Крытый ход. Брат Анатолий Маевский

Мир вам, братья и сестры. В вашей Церкви, если мне память не изменяет, я, наверное, раз третий. Один раз приехал, тут мне Слово сказать не дали, сказали в конце служения скажешь, если что-то есть на сердце. Служение закончилось, и как сейчас помню, служители говорят Церкви: «Можете идти домой, конечно. Но если желание есть послушать о тех, которые наркоманы, алкоголики, о тех, которые пищат, вопиют к баптистам и говорят: «баптисты, помогите!», то останьтесь».

Я благодарю Бога и вас тоже, что осталась вся Церковь и что вы слушали. Час-полтора я помню, тогда говорил, говорил то, что у меня на сердце.

Второй раз я тут приезжал, по-моему, по служению с зависимыми, тут ещё такие же были, как я. И сейчас здесь третий раз.

В Библии написано: «О, вы, напоминающие о Господе, не умолкайте!» Бог меня поставил на то, чтобы я напоминал. Напоминал о тех, которые пищат, вопиют и которые взывают к нам: «Слушайте, баптисты двадцать первого века, хорошо живёте! Хорошо кушаете! На хороших машинах ездите, дети хорошо у вас одеваются. Посмотрите на нас, мы никак не можем подняться, не можем сойти с этой иглы, не можем отойти от этого стакана. Мы сидим в зонах. Мы находимся в детских домах, хотя мы не виноваты, а потом пополняем колонии малолетних. Вспомните о нас, помолитесь о нас!».

Я езжу и об этом напоминаю — это моя жизнь.

А моё представление о Боге? Мне Бог в начале христианского пути показал жизнь христианина, какая она должна быть, показал Свой взгляд на эту жизнь, взгляд Иисуса Христа. Я домогался до этого, я говорил: «Иисус, как Ты на это всё смотришь, скажи мне?».

И Он мне показал. Конец 90-х годов, город Новосибирск, вокзал, там киоски, в киосках

продавалось всё, начиная от золота и кончая спиртным. И с утра там, как обычно шло движение этого реального мира, этого греховного мира. Я каждое утро ходил мимо, по работе нужно было, мы там строили русско-немецкий дом. Проходил через эту площадь и очередной раз прохожу — музыка, шум, движение людей и три женщины. Три женщины под эту музыку танцуют. Они думают, что они танцуют. Это вокзальные женщины, синяки у них, избитые грязные лица, рваные платья. И они танцуют, думают, что танцуют на самом деле, но они просто вихляются. В своей жизни я много, что видел, но от такого безобразного зрелища я отвернулся. Мне стало противно и омерзительно. И Бог со мной заговорил. Моей дочки, Галочки, было 5 лет. И Он говорит мне: «Вот выросла твоя дочка...»

Мне хватило только подумать об этом и как будто нож всадили в сердце. У меня перед глазами померкло всё. Может я человек впечатлительный? Мне плохо стало. Только я представил себе и мне плохо стало. Бог заговорил дальше: «Это Мои дочери, они Мои дочери. Я во чреве матерей носил их 9 месяцев. Я соткал их там. Я дал им дыхание жизни. Я их носил на руках матерей. Я их хранил до сего часа. Дал им всё необходимое для жизни...» Как вы думаете? Больно было Богу? Мне было больно только от того, что я представил о своей дочери, что она может быть такой, как эти женщины.

Брат тут за своих детей рассказывал, а Богу больно за всех людей. Потому что мы все Его дети. И кому хуже, о тех Ему и больнее. И с тех пор у меня сложилось представление о христианстве, какое оно должно быть. Как должен я относиться к этому миру и к этим людям. Мне, конечно, далеко до этого и мне Бог опять освежает память. Опять напоминает о слезах матерей, которые молятся о тех балбесах, извините за выражения, которые находятся в моём братском доме, «дэвээровцы» я их называю, и не хотят они идти за Богом.

Мама плачет, мне говорит: «Что-нибудь сделай, хоть что-нибудь сделай!» Она боится, он придёт пьяный, он опять начнёт дебоширить, начнёт колоться. Это Бог напоминается через слёзы матери, как они любят своих детей.

А место, которое я хотел сказать для рассуждения, место мне нравится, очень хорошее, сейчас прочитаю. Евангелие от Иоанна 5 глава, место известное. И тут одну мысль я хотел вытащить с этого текста, со 2 стиха:

> 2 Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов.
>
> 3 В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды,
>
> 4 ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в неё по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью.
>
> 5 Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет.
>
> 6 Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров?

7 Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня.

8 Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи.

9 И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошёл. Было же это в день субботний.

Евангелие от Иоанна 5 глава — Библия: https://bible.by/syn/43/5/

И 16 стих:

16 И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу.

Евангелие от Иоанна 5 глава — Библия: https://bible.by/syn/43/5/

Зачем Иисуса они искали? Воздать славу Ему? Сказать «да здравствует Иисус, молодец, людей исцеляешь. Не брезгуешь в такие крытые ходы ходить». Так это было? Или для чего они Его искали? Они искали Его убить!

А давно вас, сёстры, за волосы таскали? Братья, а давно вам синяки, за Слово Божие, ставили? Давно вам колёса протыкали или стёкла били?

Когда у нас начиналось это служение, у нас домашнее служение 16 лет было ещё, до Братского дома, нам стёкла били! А у меня такая радость: «Слава Богу, стёкла побили!» Жену за волосы таскали. Мне тяжело было это переносить. Я боксом занимался, бандитом был, но радовался, глядя на её радость.

Когда нас последний раз таскали за волосы? Когда последний раз нас били?

Почему Иисуса искали убить? Потому что сатана крайне возмущался, он противник всякого добра. Он видел в Иисусе Христе Личность, противника видел своего, видел ту Личность, которая победит его. А может мы стали безвредны для сатаны? А может быть он говорит «слушай, какие хорошие баптисты, такие же, как все люди, даже ещё и лучшие и работают хорошо на меня, на фабриках, в фирмах работают. Собираются песни поют, но это же ничего страшного?» Сейчас с концертами разъезжаем, поём хорошо, профессионально играем. А где же пролитая кровь Иисуса Христа? А где же призыв к покаянию? Люди, покайтесь! Последнее время отсчитывается!

Один брат мне сказал интересную мысль, он обратил внимание, что время быстро летит. Я говорю:

- Так ведь это и понятно, оно всегда летит.

А он говорит:

- Знаешь, настолько наполнилась земля беззаконием, что Бог уже смотреть не может, и он торопит это время.

- Как Он торопит?

- В минуте 60 секунд и раньше ты до 60-ти посчитал, вот тебе и минута, а сейчас до 40 не

успеешь посчитать, как уже минута прошла.

Время в руках Бога и Бог его торопит, Он его раскручивает. Наверное, каждый из нас знает это и видит в своей жизни - торопится время, а люди идут в погибель, люди умирают.

Год назад, наверное, больше я спал мирно, спал хорошим, духовным сном, похрапывал. У меня братский дом через 25 метров. Туда придёшь, расскажешь, как им жить, ближайшие 5 лет. В зоны, в детские дома съездишь, ну так хорошо, сердце радуется. А жена говорит:

- Толя, а люди умирают.

- Ты ничего нового не сказал...

Ничего же нового нет, правда?

Брат Анатолий спрашивают сидящую в зале сестру:

- Ты не с Куйбышева, сестра? А я смотрю лицо знакомое.

Брат Анатолий продолжает:

И я говорю жене «ведь умирают всё время». Она молчит. Она у меня мудрая. Через какое-то время говорит:

- Слушай, Толя, а люди умирают.

Я думаю, вот зануда. Ну я же знаю, что умирают, ну что ты?

И третий раз она мне опять говорит:

- Толя, а люди умирают.

Дошло, я на колени встал, упал. Там, где-то кровь льётся, там, где-то дети умирают, это дети мои по возрасту. Мне всё хорошо здесь. Мы здесь живём сытно, хорошо. У меня слёз нет за тех людей, которые умирают там. Вот, оказывается, что мне жена-то говорила. Я говорю:

- Господи, дай мне всё возможное и невозможное, чтобы я мог туда съездить, своими глазами это горе посмотреть, участие принять, сказать о Боге, что я ещё могу.

На гуманитарку деньги собрали, поехал. Знаете, я там столько увидел, я сейчас коротко, может быть, кое-что расскажу. Я про закрытые хода. Почему хода крытые были? С крышей. Я свою мысль скажу. Потому что я хожу в эти крытые хода. Это то место, куда нормальный человек идти не хочет. Это последствия нашего греха. Это последствия той нашей жизни, нашего холода, нашего безразличия, наших грехов. Ну кто добровольно пойдёт туда, где лежат больные, слепые, хромые, иссохшие. Они кричат, они вопят: «мне больно, мне плохо...!» Руку тянут, просят. Приятно смотреть? Мы же здоровые, и у нас нормальные дети, прижал к себе и всё. Охота туда идти? Да не охота идти. И никто не ходил туда.

Он говорит, что уже длительное время, ну может не 38 лет, но длительное время, лежит здесь. И никто его в купальню не сдвинет. А разговор был так, друзья, я вам сейчас скажу, как я понимаю. Вот они лежат двое. Один другому говорит:

- Когда вода возмутится, ты меня пихони туда. Я упаду в купальню и буду здоровый. А потом ты дождёшься и когда будет опять вода в движении, ты меня толкнёшь.

Так и произошло, он толкнул, тот выздоровел, как вы думаете, он потом будет ждать, чтобы этого толкануть? Конечно нет, зачем нам нужны те, с кем вместе мы пьянствовали, с кем вместе мы грешили, зачем они нужны нам, соседи по улице эти, они же нехорошие, они же матерятся.

Тридцать восемь лет, не было человека. Не было человека и по сегодняшний день мало кто туда откликается. Мало кто хочет идти туда, в эти крытые ходы, потому что там матерки, потому что грязь. Там столько боли, там столько этого горя, уму непостижимо.

Последняя поездка была в зоны. И там десять женщин собралось. И одна из них, по-моему, Рита или Римма, сейчас уже не помню, немножко не русская, 22 года ей, а сидит с 19 лет. И она о своей жизни рассказывает. Отец всю жизнь пил, мама его убила. Мама хотела закончить жизнь самоубийством, она меня не любит. Отдала бабушке, бабушка как там воспитывала, непонятно. Я говорю: «Руку покажи!», у меня было внутри такое побуждение, она показывает руку - вся рука порезана. Сколько раз она жизнь самоубийством хотела закончить. И там просвета нет. Я представляю этот мрак, мрак, из которого она вышла, а здесь она вошла в ещё худший мрак. В женских зонах страшное творится. Там лесбиянство, воровство, издевательство и ещё хуже, чем в мужских зонах. Ей 22 года, ребёнок. И сейчас она в этом мраке сидит. Кто пойдёт в этот крытый ход? Их было там четверо, они слушали и плакали. Они давно мечтали о том, что бы кто-то к ним пришёл. Кто-то сказал бы им доброе слово, слово о любви. А кто пойдёт туда? Думаете приятно выслушивать.

Или детский дом последний взять.

Брат Анатолий делает паузу и обращается к сидящему в зале брату:

- Ты случайно не с Луганской, парень? Смотрю лицо знакомое.

Брат Анатолий продолжает: В одном из детских домов после общения девчонка подошла ко мне, ей лет 15 лет, и говорит:

- Дядь Толя, я себя потеряла.

Я смотрю на неё - 15 лет, я не знаю, что с ней произошло. И другая девочка там, её отчим восемь лет насиловал. Там страшная грязь, понимаете, что эти дети пережили. Я говорю:

- А как ты потеряла себя?

- Я никому не верю.

- Дочка! Я в 42 года себя потерял. В 42 года я никому не верил, потому что мир — это ложь, это грязь.

И я стал по Библии ей говорить о том, какой Иисус добрый, какой хороший, что Ему можно верить. И знаете, в глазах этого ребёнка зажглись фонарики, свет зажёгся. Ну, кто я такой, дед старый? Но у меня Слово Божие есть, у меня дух есть, у меня Иисус Христос есть, понимаете? И когда мы с ней молились, она плакала и говорит:

- Тут хорошо стало, - и показывает на своё сердечко.

Она нашла себя. Друзья, надо идти в эти крытые хода. А там плохо! Я просто коротко за одну ситуацию...

Как называется там линия фронта? Кременная. В прошлый раз нас занесло туда. А мне сильно хотелось с солдатами пообщаться. Я здесь на полигоне в Новосибирске общался. Как они слушают! Они ведь дети по возрасту, они маленькие, они хорошие, они юные. Я говорю:

- Ребятишки, надо молиться, надо к Богу взывать.

- Дядя Толя, мы здесь все молимся....

А там глаза такие. Сейчас молодёжь поймай, начни говорить о Боге, они в пол уха будут слушать, даже и верующие тут сидят-то, одним ухом слушают, вторым они уже насыщенные, не хотят слушать. Но те внимают, слушают.

Я хотел другое рассказать. И это же крытый ход, там по-настоящему бомбят, там бабушка говорит: «Прилёт! Отлёт! А это - гаубица 52-я!». Я говорю:

- Слушай, а откуда ты знаешь, что 52-я?

- Месячишко поживёшь, брат? И тоже разбираться начнёшь.

Они так спокойно это воспринимают. Идёт служение, а там бомбят. На улице памятник стоит, только 8 человек недавно накрыло, памятник стоит, цветы стоят.

Один паренёк там, Женька, я говорю ему:

- Женя, а где служителя-то ваши? Где ваши пресвитера?

- Они уехали.

- А куда они уехали-то?

- На миссию уехали.

- А что за миссия? - в Африку, думаю, не иначе.

- Кто в Америку, а кто в Германию.

- Женька, а ты-то чего остался здесь? У тебя же тело и такие же кости, ты-то чего не уехал?

Я хотел сказать вам его фразу, чтобы она была в память, друзья. У меня она вот здесь, в сердце осталась. Он говорит:

- Дядь Толя, ты в курсе, что Иисус скоро придёт?

- Ну, да...

И так я промямлил что-то.

- Смотри, Он поставил меня на это место, здесь в Кременной. Он оставил меня в этой деревне. А придёт за мной, куда Он придёт? В эту деревню Он придёт.

Он не придёт в Америку, не придёт в Новосибирск за ним. Он не придёт в Москву.

Я говорю:

- Всё, Жень, больше не продолжай.

Это стало мне так дорого, и у меня внутри всё заходило. Насколько важное у него понимание. Бог поставил его — это крытый ход, это смерть. Это действительно смерть, просто мы тут говорим спокойно, потому что не стреляют. Когда ты там, совершенно всё по-другому воспринимается и там люди по-другому воспринимаются.

Я у них в Луганске был на молодёжном, там половина молодёжи покаялись. В первую очередь выходили пресвитера каялись. Потом руководители молодёжи. Потом ребятня, девчонки пошли. А почему они каялись? Что, они хуже всех? Да они лучше, чем здесь мы все сидящие в зале. Они в этом крытом ходе были. Там, где смерть, там натуральная смерть. Там молодёжь другая.

В Донецк приехал к ребятишкам. Они собрались вечером, прям собрались. Рты, как галчата, открыли... Одна бабуся, расскажу за бабусю. У неё восьмой этаж и она на костылях. А здания у них из-за бомбёжек разбиты, но как раз когда я был, уже спокойно было. Я говорю:

- А как вы бомбёжку переживает? Ведь накроет и всё?

- Мы в бомбоубежище спускаемся.

- А ты ведь на костылях, как ты спускаешься, пока добежишь, тебя ж накроет.

Она говорит, что в начале пыталась, а сейчас одеваю чистое бельё, ложусь в постель и говорю Богу: «Бог, тебе же разницы нет, куда меня на Небо взять или с восьмого этажа, или с этого подвала. Лежу, песни пою». А я смотрю и думаю: «Насколько близки люди к Богу». Я могу много рассказывать и за Мариуполь, и за Луганск, за людей, что за эти развалины рассказывать, за людей, которые находятся там. Они никуда не уходят, они никуда не убегают, они понимают, что Бог их туда поставил светильниками.

Продолжим по нашему тексту «не имею человека». Как вы думаете это про кого сказано? А что за человека он ждёт?.. Нас же ждёт, неужели вы не понимаете? Нас ждёт, когда мы туда спустимся, в этот крытый ход, спустимся и поможем.

Место очень серьёзное есть в Книге Есфирь, напомню его. Там еврейский народ попадает под уничтожение. Указ уже подписан царём. И Есфири идёт депеша от Мардохея: «Сейчас весь народ будет уничтожен, тебе нужно идти к царю». Я хотел из этого места только одну мысль взять. Она говорит: «Слушай, я не званна к царю, там голову отрубят и всё, там даже «спасибо не скажут». Она-то понимает, насколько серьёзны повадки этих восточных сатрапов. И он ей говорит: «Если не пойдёшь избавление с другого места придёт, а ты, и дом отца твоего погибнете. Не для этого ли времени ты достигла царского достоинства».

Кто мы, сидящие здесь с вами? Мы царственное священство все! У нас же у всех царское достоинство. Вот брат Слава сидит, он царственный священник, кидар у него.

Друзья, я хотел экзамен провести, вот молодой брат... Тебя как звать? Брат Анатолий обращается

к сидящему в зале брату: вот смотри, Ванька, ты видишь, как я одетый? Прилично? Что за одежда у меня? Одежды праведности, а на руке, что у меня? Царский перстень! А ноги показать тебе? Во что я обутый? В готовность благовествовать (Еф. 6:15). А вот он и пир, вот телёнок. Царственный пир, блистательный пир. Представляете, какие мы богатые люди. А этот, в крытом ходе, ждёт. Он ждёт, чтобы ты пришёл туда, чтобы ты поделился этим богатством, чтобы пиханул ты его, чтобы рассказал ему о любви Иисуса Христа. А идти не хочется, друзья.

Я на эту тему недавно на Братском проповедовал, у нас в Омской области. За эти крытые хода говорил... Там я знаю одного мальчишку, он освободился уже давно, спрашиваю: «Ты когда последний раз ходил в эти «бомба-люки»?» - там, где находятся бомжи. Там грязно, но там просто теплее. «Когда ты ходил последний раз?» - а он ходил, я знаю.

Он говорит: «Три года назад ходил». А сейчас что? Они вымерли что ли? А после трёх лет там никого нет, и они не нуждаются?..

Брат Анатолий обращается к сидящим в зале:

Когда вы ходили братья в «бомба-люки»? Когда вы ходили в крытые хода? Когда вы ходили в дома престарелых? Когда вы ходили в зоны и тюрьмы? Когда вы ходили к наркоманам и алкоголикам? Когда вы ходили там, где люди вопиют и пищат, и говорят: «Помогите нам»? Эти крытые хода нас ждут. И вот это царственное священство, это большая честь для нас.

Я просто один «титр» вспомнил. У меня деревянный телефон. Я отказался от смартфона, потому что для меня большое искушение было им пользоваться, и я отказался от него - политику начал смотреть и прочее. Я каялся в присутствии Церкви и выкинул его, и сейчас простой телефон у меня. А у жены смартфон, она любит передачи христианские слушать и меня иногда в них посвящает. Я историю одну расскажу, просто эта история к моей совести прозвучала.

В общем суть такая, православная церковь и приходит туда выпивший человек, помятый, не бритый, тяжело ему. И к бабушкам, а они сразу говорят: «иди отсюда, тут надо трезвым приходить», выталкивают его. Он говорит: «да мне плохо, мне плохо, где ваш священник? Мне поговорить надо!». Они заставляют его ждать. Спустя время появился священник, идёт бодрой походкой, а тот к нему:

- Душа горит, давай поговорим?

Но священник отстраняется от него и требует, чтобы тот завтра с десяти до одиннадцати подходил. Правильно же? А у самого, священника этого, мысли такие, его попадья просила в магазин заехать, растительного масла купить. А там ещё какой-то митрополит сверху сказал, там надо отпеть кого-то. Ну, что ему важнее, этот пьяница или важные дела? Завтра придёшь и всё. А тот уцепился, держится за мантию и говорит:

- Ты что? Ты священник или не священник?

Того кольнула совесть, он стряхнул его и всё. Сделал все свои дела в течение дня, перед сном ещё что-то вспомнил, а про этого человека вообще забыл. Проходит время, дочь заболела, едет в больницу и попадает на пересменок врачей, снимок сделали и понадобилась срочная операция. А где врач, чтобы сделать операцию? Ему говорят, что со второй смены есть такой врач, но

неизвестно придёт или не придёт, а с первой смены врач уже сделал семь операций и он вряд ли согласится, он уже переоделся и домой собрался. Врач выходит, и священник рассказывает, за дочь рассказывает и просит помощи. А тот говорит: «Я семь операций сделал, у меня уже руки не терпят, не могу, не могу». И уходит, но священник так уцепился за одежду его и говорит: «Так ты врач или не врач?» Тот повернулся и говорит: «Готовьте к операции». Сделал операцию, девочка лежит в больнице, поп приезжает, и там у них встреча с врачом. А поп всё смотрел на этого врача, лицо что-то знакомое, что-то смутно напоминает. Вспомнил! Это тот, который кричал ему «священник ты или не священник». Ну да, врач ты или не врач, это понятно.

Бог взывает к нам теперь, ко мне лично вызывает: «Ты вообще священник или не священник». Я спрашиваю, братья молодые, вы священники или строители? Ты священник или ты хорист в хоре? Кто ты? Бог к нам через людей тех обращается, которые нуждаются в духовной помощи.

Я много мог бы случаев рассказать, просто время не достаёт.

У вас мне с детьми разрешили коротко детскую страницу провести, я проведу и всё. Ребятишки, обращаюсь к вам. У меня одна из страниц в моей жизни это посещение детских домов. Там такие же детки...

Брат Анатолий обращается к недалеко сидящей девочке: Сколько тебе лет? Восемь, и вот такие как ты там есть и побольше есть. Сколько раз тебя родители в день по голове гладят? Тебя как звать? Лиля, а ночью, когда кладут в постельку, что тебе говорят? Спокойной ночи, и с добром говорят? Так вот этим детям, которые находятся там, спокойной ночи, никто не говорит и не гладит по голове. Я вам расскажу короткую историю и одну песню хотел вам спеть, ту, которую в детских домах пою. А потом в конце помолимся за этих детей, чтобы вы «аминь» сказали, поддержали меня в молитве. А просьба у меня такая. Я-то уеду с Новосибирска, куда Бог пошлёт, чтобы со своими родителями вы и мы молились бы за этих детей. За бедных, несчастных детей молились.

Я одну историю за девочек расскажу. Это был День матери, праздники есть такое - День матери. Я забыл какого числа. И я как раз туда приехал. Мы им что-то подарили, носки подарили, носки такие хорошие, шерстяные. Они одели носки и радостные такие. А потом говорю: «Может вы что-то к Дню матери приготовили?». И они поют песню, три девочки, 14, 15 и 16 лет, поют песню. Слова песни примерно такие «милая мама, я тебя люблю, милая мама, когда ты придёшь?». Я плакал, я знаю кто их мамы. Одна мама алкашка запивается, вторая наркоманка, третья сидит. «Мамочка, когда ты придёшь? Когда ты придёшь?» Они поют, я плачу. А потом они принесли аппликацию, цветочки наклеенные, а внутри текст: «Милой, любимой маме». И они поняли, что мамам-то это они подарить не могут. Они понимают, вот в чём трагедия. И говорят: «Бабушкам подарите, которые носки вязали». Они хотят увидеть своих мам, даже таких нехороших может быть, а возможности у них нет. Как вы думаете сильно они переживают, за маму, что не видят её? Вот Лиля, если бы ты маму дней десять не видела, ты бы плакала? И они тоже плачут. Они такие же, как ты. Они сильно плачут, а когда просишь о чём молиться, они говорят, чтобы нас домой мама взяла. Вот за этих детей бы я хотел вас просить, чтобы вы молились. Я хотел песню спеть с вами. Споёте песню жестами? Поддержите меня?..

Комментарии